

КАВАЛЕРІЙСКІЕ ВОПРОСЫ.

VI.

ВООРУЖЕНІЕ И СНАРЯЖЕНІЕ КАВАЛЕРІИ.

„Кавалерія—оружіе холодное“, сказали мы въ своемъ мѣстѣ; вооруженіе должно быть целесообразно: только тогда оно удовлетворяетъ требованіямъ боя. Ясно, что кавалерія должна быть вооружена холоднымъ оружіемъ. Кавалерійскій арсеналь довольно разнообразенъ: тутъ и пика и сабля, и пистолеть и пистолеть, и, у нѣкоторыхъ, кинжалъ. Каждое изъ этихъ оружій въ разныхъ случаяхъ бываетъ болѣе или менѣе преобладающимъ. Такое разнообразіе вооруженія доказываетъ прежде всего разнообразіе цѣлей, которыхъ хотѣлось бы достигнуть разомъ. Другая причина неустановившейся нормы вооруженія та, что до сихъ поръ, несмотря на двѣ тысячи лѣтъ существованія кавалеріи, вопросъ о ея вооруженіи не рѣшенъ окончательно. Надо сознаться, что изъ всѣхъ родовъ оружія кавалерія сдѣлала наименѣе успѣховъ на пути усовершенствованій.

Маршалъ Морицъ Саксонскій сказалъ: „нѣтъ ничего вреднѣе, какъ какія-нибудь усовершенствованія въ кавалеріи“. И онъ совершенно правъ: та кавалерія лучше, которая ближе подойдетъ подъ образцы младенчествующихъ народовъ.

Ни одинъ однако военный вопросъ не возбуждалъ такихъ продолжительныхъ споровъ, какъ вопросъ о вооруженіи кавалеріи пиками (развѣ только еще вопросъ о кирасирахъ). Одинъ считалъ пикю „царицей блага оружія“ (*), другой слабѣею, изъ всѣхъ оружій... (**). Кто правъ изъ нихъ—рѣшить трудно;

(*) Выраженіе Монтекукули.

(**) Макіавелли. (См. „Военное искусство“, стр. 96)

туть безсиленъ и опытъ, который даетъ равносильныя доказательства и *за и противъ*. На всякой сторонѣ есть доля истины. Извѣстно, что пика, вслѣдствіе соперничества карабиновъ, была повсемѣстно выведена изъ употребленія. Первый примѣръ подалъ Морицъ Оранскій, уничтожившій пики въ нидерландской кавалеріи, которая въ сраженіи при Торнгутѣ, въ 1596 году, явилась безъ пикъ, но съ палашами и длинными пистолетами, давшими ей перевѣсъ надъ испанской кавалеріей. Примѣру нидерландцевъ тотчасъ послѣдовали французы и нѣмцы, а спустя долгое время и испанцы.

„Итакъ, оружіе кавалеріи, служившее ей тысячелѣтіе и *во все это время* считавшееся *первымъ, главнымъ вооруженіемъ* кавалериста, было первое, которое исчезло вслѣдствіе перевѣса новаго оружія *огнестрѣльнаго*.“ (*)

Нетрудно было карабину одолгѣть пикю, которой дѣйствіе начинается только тогда, когда разстояніе между противниками равно нулю, и чтобы привести задачу къ такому рѣшенію, пикѣ приходилось *очень домо* выдерживать огонь карабина: извѣстно, что кавалерійскія атаки того времени велись не быстрѣе сдержанной рыси. Дѣйствительно, какъ только взглядъ на значеніе кавалеріи уяснился, какъ только атаки ея приобрѣли должную быстроту, карабинъ оказался несоотвѣтственнымъ, и теперь кавалеристъ, встрѣтившій атаку непріятеля выстрѣломъ, будетъ мгновенно наказанъ за ошибку самимъ непріятелемъ.

Впрочемъ, и до Морица Оранскаго, многіе весьма неблагопріятно относились къ пикѣ. Римляне, напримѣръ, кажется, вовсе не употребляли ея.

„Чтобы убѣдиться въ томъ, что римляне не употребляли пикъ въ бою, достаточно прочесть со вниманіемъ описаніе сраженій въ исторіи Тита-Ливія, который нигдѣ не упоминаетъ о пикахъ, а напротивъ того говоритъ, при всякомъ случаѣ, что войны, бросивъ метательныя копья, вынимали мечи свои.“ (**)

Теперь очевидно представляется вопросъ: если пика исчезла вслѣдствіе несоотвѣтственнаго употребленія кавалеріи, вслѣдствіе предпочтенія огнестрѣльнаго оружія, то съ уничтоженіемъ этихъ условій не займетъ ли пика прежняго мѣста въ ряду оружій? Но и теперь, послѣ опыта столькихъ войнъ, мы все еще не найдемъ достаточно данныхъ, чтобы окончательно и без-

(*) Грисгеймъ: „Лекціи о тактикѣ.“

(**) Макіавелли.

ошибочно рѣшить этотъ вопросъ. Можно было бы основываться на примѣрѣ бывшихъ горскихъ наѣздниковъ и линейцевъ, которые, какъ извѣстно, не за пику: они вооружены винтовкой, пашкой и кинжаломъ; но вѣдь и то надо взять въ расчетъ, что на мѣстности до такой степени пересѣченной, какъ кавказская, гдѣ изъ-за каждаго камня того и гляди выскочить непріятель, пика не совсѣмъ удобна, тѣмъ болѣе, что врагъ не отказывается отъ рукопашной передѣлки. Говорятъ, что польскіе инсургенты болѣе всего боялись драгуновъ и линейцевъ, то есть уважали пашку болѣе пика.

Пика—оружіе одностороннее: она хороша для перваго удара и преслѣдованія; въ схваткѣ же, въ одиночномъ бою она не только бесполезна, но и вредна, потому что отдаетъ всадника въ полное распоряженіе непріятельской сабли: что сдѣлаешь въ тѣснотѣ свалки длиннымъ оружіемъ? Фехтовать же пикой, особенно противъ сабли, да еще сколько-нибудь ловкой, и не стоитъ: ударъ пика неотразимъ и силенъ только тогда, когда она твердо схвачена рукой и сжата подъ мышкой; отодвинуть пику въ сторону можно только вмѣстѣ съ человѣкомъ; для фехтованія же ее надобно держать *только* въ рукѣ, а нанося ударъ выдвигать впередъ всю руку: въ этомъ случаѣ пика, держась на равновѣсіи, легко можетъ быть отведена въ сторону. „Одна сабля на двѣ пика“, говоритъ нашъ солдатъ, основываясь на опытѣ фехтованія всадника; дѣйствительно, въ большей части случаевъ сабля выходила побѣдительницею.

Фехтовать пикой неудобно еще и потому, что ею не возможно отбить ударъ сабли. Отбивъ производится обыкновенно подставляваніемъ своего оружія подъ ударъ противника; а вмѣстѣ съ пикой мы подставляемъ и ничѣмъ незащищенную руку, такъ что ударъ, назначенный головѣ, достанется рукѣ. При преслѣдованіи иное дѣло: непріятельская конница

..... почти всегда мгновенно спѣшивается—такъ сильно дѣйствуетъ паническій страхъ быть пораженнымъ пикой—между тѣмъ какъ для того, чтобы заставить спѣшиться кавалерію саблями, требуется много ударовъ“. (*)

Вообще пика хороша тамъ, гдѣ ее не надо выпускать изъ-подъ локтя или гдѣ непріятель не сопротивляется, а спасается. Въ этомъ случаѣ успѣху способствуетъ длина пика: пѣхотинецъ,

(*) Грисгеймъ.

кинувшійся на землю, артиллеристъ, залѣзшій подъ пушку, не много имѣютъ шансовъ остаться цѣлыми.

Во всѣхъ другихъ случаяхъ длина пика не участвуетъ въ чести удара и дѣйствуетъ только нравственнымъ впечатліемъ; конечно на непріятеля уже *пронцаю, почитаю*: настоящаго кавалериста пикой не испугаешь.

Ударъ пикой можно произвести двояко: стоя на мѣстѣ и въ движеніи. Въ первомъ случаѣ надо сильно вытянуть руку и ткнуть противника; понятно, что сила удара зависитъ отъ силы руки и разстоянія до противника, т. е. отъ длины пика. Во второмъ случаѣ она уперта подъ мышкой и крѣпко держится рукою, а чтобы достать до противника, надо уничтожить разстояніе, надо летѣть на него; тутъ уже сила удара зависитъ отъ быстроты движенія коня. Пикинеръ во время атаки представляетъ собою машину, пожалуй стрѣлу, спущенную съ тети-вы. Онъ несетъ копьѣ въ грудь врага: ясно, что чѣмъ сильнѣе полетъ этой стрѣлы, тѣмъ сильнѣе ударъ. Отсюда слѣдуетъ, что *главное оружіе кавалериста — его конь*.

Наша пика имѣетъ 9 футовъ и 5 дюймовъ длины (у прусаковъ 10 футовъ; казацья 10 футовъ и 4½ дюйма). Держать ее приходится почти по серединѣ, такъ что въ сущности она представляется какъ бы въ 4½ фута. Палашъ длиною въ 3 и ¾ фута можетъ быть выдвинуть впередъ на длину вытянутой руки, то есть нѣсколько болѣе фута, и достанетъ такъ же далеко, какъ и пика. Сравните же теперь удобства пика и палаша. Сабля короче палаша на 4 дюйма, слѣдовательно все сказанное о палашѣ относится и къ саблѣ. Пика, взятая на перевѣсъ, выдвигается впереди головы лошади на длину копьа, нѣсколько болѣе четверти, а при растянутомъ положеніи лошади на карьерѣ, когда шея значительно вытянута, копьѣ равняется съ желѣзомъ мундштука. Чѣмъ же тутъ ударить? И опять-таки выходитъ, что *первый толчокъ непріятелю даетъ конь*; опять придемъ къ убѣжденію, что *главное оружіе кавалериста — его конь*.

Де-Бракъ отзываясь о пикѣ слѣдующимъ образомъ: „пика есть бѣлое оружіе, могущественное своимъ нравственнымъ вліяніемъ, оружіе, котораго удары наиболѣе смертельны“ (*), а на стр. 275 приводитъ случай, котораго онъ былъ очевидцемъ

(* См. „Les avant-postes de la cavalerie légère“ (стр. 73).

и который совершенно опровергаетъ его слова. „Подъ Тильзитомъ одинъ гусарь 7-го полка, и одной со мною роты, получилъ двадцать два удара пикой; мѣсяць спустя онъ былъ совершенно здоровъ.“ Это можно объяснить развѣ только дурнымъ состояніемъ казачьихъ пикъ. Казаки имѣютъ привычку слѣзая съ коней, втыкать свои пики въ землю, а какъ нижней оковки на ихъ пикахъ нѣтъ, то втыкаютъ остриемъ, которое оттого тупится.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что уланская пика короче казачьей на 1 футъ и *все-таки тяжелѣе* почти на 3 фунта (*). Это происходитъ вслѣдствіе того, что у казачьей пики нѣтъ наконецника со свинцомъ, нѣтъ помочей, прикрѣпляющихъ копыекъ къ древку, нѣтъ пуговокъ для флюгера. Все это не дѣлаетъ казачью пикку хуже уланской, и потому было бы недурно все это откинуть. Свинецъ приливается для уравновѣшенія пики, что не имѣетъ никакого значенія при ударѣ и важно только при фехтованіи; если же мы откажемся отъ удовольствія безъ надобности вертѣть пикку вокругъ головы, то свинецъ можетъ быть откинутъ. Флюгеръ тоже не надобенъ: ему приписываютъ обыкновенно то значеніе, что онъ будто бы пугаетъ непріятельскихъ лошадей и, кромѣ того, даетъ возможность издали отличить одинъ полкъ отъ другаго.

Но, *во-первыхъ*, лошади, и свои и непріятельскія, бываютъ такъ утомлены въ бою, что ужь вѣрно имъ не до мелочей, а между тѣмъ флюгеръ мѣшаетъ вѣрно направить острие; *во-вторыхъ*, хотя кавалерія, вслѣдствіе подвижности, и требуетъ особенной осмотрительности въ передачѣ приказаній, но это еще имѣло значеніе, когда въ дивизіяхъ соединялись полки, отличавшіеся другъ отъ друга вооруженіемъ, а теперь и гусары и уланы вооружены совершенно одинаково, такъ что для дѣлать рѣшительно все равно, гусары или уланы его исполнять. Что касается до драгуновъ, то ихъ нетрудно отличить и издали.

Какая была первоначальная цѣль введенія флюгера? По значку узнавали: „служилъ ли рыцарь какъ ленникъ вельможъ, или какъ независимый баннеретъ“ (**). Теперь это вовсе не нужно.

Откинувъ все лишнее, мы упростимъ матеріальную часть

(*) Всѣхъ уланской=7,34 фунта; казачья вѣситъ всего 4,56 фунта.

(**) „Обозрѣніе военнаго искусства въ среднихъ вѣкахъ“, Брандта. „Военная бібліотека.“

и облегчимъ спину лошади на 3 фунта; а это не такъ мало, чтобы не стоило вниманія.

Прежде у насъ пиками были вооружены обѣ шеренги, а послѣ кампаніи ихъ оставили только одной первой. Это и совершенно рационально: *во-первыхъ* „потому, что только одни солдаты передней шеренги могутъ держать ее надлежащимъ образомъ“ (*), а пики задней шеренги не принимали никакого участія въ дѣлѣ и при атакѣ оставались въ бушматахъ; *во-вторыхъ*, отмѣна пикъ въ задней шеренгѣ дала возможность поддержать пики передней саблями задней, а это тѣмъ удобнѣе, что люди задней шеренги, защищенные отъ опасности перваго удара пиками передней, протѣснившись между рядами, вступаютъ въ свою очередь въ бой именно тогда, когда пика уже бесполезна: такимъ образомъ, эти два оружія взаимно помогаютъ другъ другу.

Единственная выгода имѣть пики въ обѣихъ шеренгахъ та, что на мѣсто убылой пики передней шеренги становилась пика задней.

Въ № 2 „Военнаго Сборника“ за 1858 годъ, въ статьѣ г. П. С. „О снаряженіи кавалеріи“, было предложено измѣнить нѣсколько способъ прикрѣпленія темляка: длину древка уменьшить на $7\frac{1}{2}$ вершковъ и тупой конецъ сдѣлать тяжеле, чтобы точка равновѣсія осталась на прежнемъ мѣстѣ; тутъ и прикрѣпить гвоздями одинъ конецъ ремня, другой же конецъ долженъ охватывать древко петлею, свободно движущеюся вверхъ и внизъ.

Ремень, длиною въ 22 вершка, вполне замѣнитъ темлякъ и будетъ еще имѣть, по мнѣнію г. П. С., слѣдующія удобства: проложивъ руку между ремнемъ и пикой, солдатъ можетъ выпустить древко изъ руки; тупой конецъ оттянетъ пикку по отвѣсу, не попадая между ногъ лошади. Въ этомъ положеніи легко зарядить пистолеть и выстрѣлить, не передавая пики въ лѣвую руку, занятую управленіемъ. Взять пикку въ лѣвую руку нетрудно и тогда, когда пика „за плечомъ“: верхній конецъ ремня самъ собою приходится противъ плеча. Пикку удобно носить за спиною, какъ ружье, перекинувши ремень черезъ голову, и, наконецъ, процессъ взлѣзанія и слѣзанія съ коней можно облегчить, передавая ремень пики въ лѣвую руку, а

(*) Манкиселли.

правою придерживаясь за дуку. Съ пользою такого приспособленія нельзя не согласиться, однакожь эта дѣльная мысль такъ и осталась на страницахъ журнала, а въ дѣйствительность не перешла. Та же участь постигла и наши предложенія, изложенныя въ статьѣ „Замѣтки о вооруженіи кавалеріи“ (1).

Палаши имѣли прежде обоюдоострые клинки, такъ называемые *волчи*; но ими можно было только колоть, рубить же было не такъ удобно, потому что „ударъ большею частію падалъ плашмя“ (2). Теперь палаши имѣютъ только одно лезвіе и „по обѣ стороны выплифованные долы: это предотвращаетъ ударъ плашмя“ (3). Палаши существуютъ еще въ Пруссіи и въ Россіи. У французовъ и австрійцевъ палаши выведены изъ употребленія и замѣнены прямою, слегка закривленною на концѣ саблей. Дѣйствительно, для нанесенія удачнаго удара палашикомъ надо весьма много искусства и ловкости, чего сабля не требуетъ въ такой степени. Многие, впрочемъ, предпочитаютъ колоть и саблей, на томъ основаніи, что рука не такъ устааетъ, что ударъ вѣрнѣе и сильнѣе, что вся сила удара сосредоточивается на концѣ, который легче сохранить острымъ, и что въ то время, пока противникъ рубнетъ одинъ разъ, его можно проколоть два раза и успѣть отпарировать ударъ.

Намъ кажется, что для такого дѣйствія саблей требуется и достаточно искусства и достаточно силы — достоинствъ, не у всѣхъ одинаково развитыхъ.

Многіе находятъ неудобнымъ ношеніе сабли на поясной португезѣ, на томъ основаніи, что спущенная сабля мѣшаетъ ходить, надѣтая же на крючокъ бьетъ по ногамъ и попадаетъ между ними, а потому ее надобно постоянно придерживать рукою; кромѣ того, отъ поясныхъ перетяжекъ страдаетъ ценья; задній пасикъ португеи ни къ чему не служитъ, и, если оборвется передній, сабля попадаетъ между ногъ лошади, которая начинаетъ бить. За драгунской португезей офицерскаго образца мы видимъ одинъ весьма важный недостатокъ: она сильно рветъ платье, преимущественно своимъ короткимъ пасикомъ, который, какъ извѣстно, подшитъ галуномъ и съ исподу. Этотъ-то галунь, не служа вовсе украшеніемъ (онъ не видѣнъ), протираетъ платье. Желѣзные ножны весьма непрактичны: ужь

(1) № 2 „Военнаго Сборника“ за 1859 годъ.

(2) Грисгеймъ, стр. 134.

(3) Тоже.

одно то, что въсь лишній (70 золотниковъ противъ деревянныхъ), а тутъ еще надо прибавить шумъ, сравнительную до-роговищу; необходимость тщательнаго сбереженія и чистки и, наконецъ; вредное вліяніе на остріе клинка.

Вредное вліяніе на клинокъ зависитъ: 1) отъ частаго выниманія сабли, при чемъ остріе бороздитъ по желѣзу ноженъ; 2) отъ быстрого и отрывистаго вылаживанія сабли и 3) наконецъ оттого, что сабля не туго держится въ ножнахъ и при движеніи хлябаетъ.

Прежде всего необходимо оговорить, что здѣсь имѣются въ виду сабли *военнаго* времени: извѣстно, что по окончаніи войны сабли принято затуплять; слѣдовательно, въ *мирное* время желѣзныя ножи еще не велико горе.

Если главное назначеніе сабли быть *оружіемъ*, то съ нею слѣдовало бы обращаться нѣсколько почтительнѣе. Зачѣмъ, на-примѣръ, кавалерійскія ученія производятся съ саблями въ рукахъ? Это, во-первыхъ, неудобно—тремя пальцами трудно держать саблю — тутъ и боль отъ давленія дужекъ эфеса и усталость руки; во-вторыхъ, протираетъ рейтузы и рветъ перчатку; въ-третьихъ, легко обрѣзаетъ себѣ ухо (эти случаи весьма нерѣдки); въ-четвертыхъ, конецъ клинка часто попадаетъ между этишкетами (уланскаго обмундированія), и по командѣ „сабли въ ножи“, или, въ случаѣ надобности, рубить, приходится довольно долго возиться, пока освободить саблю изъ силковъ; наконецъ, въ-пятыхъ: „le cavalier qui, depuis longtemps, a le sabre à la main, perd sa fraîcheur de respect et d'enthousiasme pour son arme“ (*). (Кавалеристъ; давно уже вынувшій саблю, теряетъ чувство свѣжести впечатлѣнія...) Это очень мѣтко подхвачено: Дѣйствительно, въ настоящемъ-то дѣлѣ, когда чело-вѣкъ рѣшительно выхватываетъ саблю, въ немъ заговорить много кой-чего, что обыкновенно въ связи съ рѣшительностью: желаніе поспорить сойтись съ противникомъ, честолюбивая мысль схватить награду; и проч. и проч. Онъ кричитъ и кричитъ сжимаетъ рукоять своей сабли... Пустите его въ атаку, пока на-прямое состояніе еще не прошло: если дадите остыть чувству и поуспокоиться, вы пойдете уже не съ тѣми шансами.

Оттого для кавалериста выхватить саблю, даль коню шпюры и пуститься въ атаку должно сливаться въ одно дѣйствіе. Если мы будемъ смотрѣть на оружіе какъ на вещь боевую, то

(*). Де-Бракъ.

много вопросовъ уяснятся сами собою. Напримеръ: зачѣмъ „отдусать“ саблю только на военное время? Если притупляютъ для того, чтобы люди сами незная, на порфизацию, такъ въды это не дѣти; да наконецъ можно вынимать саблю только для упражненія въ приемахъ рубки. Если же имѣть въ виду предотвратить употребленіе оружія во вредъ другимъ, то въды и затупленной саблей можно надѣлать бѣды... А между тѣмъ „подоса“ все дѣлается уже, стирается наиболее твердая сталь лезвья, люди приучаются ни во что цѣнить свою саблю: на бивуакахъ случается, что саблю рубить въдва для шалашей, жарятъ на концѣ клинка говядину, и, конечно, совершенно портятъ саблю, отжигая ее, тогда какъ главное правило: „заботьтесь о клинкѣ вашей сабли такъ же, какъ заботитесь о своихъ бритвахъ“ (*).

Перейдемъ къ вопросу о необходимости носить на себѣ оружіе внѣ службы.

Говорятъ, что французскій солдатъ ни за что не выйдетъ безъ сабли, что для него одно изъ самыхъ чувствительныхъ наказаній — это лишеніе права носить оружіе. Но, рядомъ съ этимъ, офицерамъ, внѣ службы, дозволяется носить гражданское платье. При казарменномъ способѣ квартированія, мало ли что удобно!

Вдобавокъ сабля попадаетъ нерѣдко между ногъ, особенно при скорой ходьбѣ, и заставляетъ идти иногда довольно странной походкой, какъ-то загребая правой ногой. Это каж-дый изъ насъ или видѣлъ на другомъ, или испыталъ на себѣ.

„Французская кавалерія почти никогда не носитъ сабли въ пѣшемъ строю.“ (**)

Да и въ конномъ строю сабля много мѣшаетъ, если остается въ дождяхъ: 1) По причинѣ значительнаго дѣса ея, нерѣдко обрываются дортупей, особенно на рыси, когда сабля непрерывно подсакаиваетъ. 2) Сабля раскачивается до того, что на карьерѣ бьетъ лошадь и по плечамъ и по ногамъ и даже иногда перекидывается на крупъ. Эти два недостатка служатъ отчасти причиной, почему предпочитается ѣздить съ вынутой саблей, что неудобствъ чего, мы уже говорили. 3) При падѣ сабля всегда за что-нибудь зацѣпляется или эфесомъ, или кольцами, что весьма беспокоитъ для всадника. 4) Сабля, привѣшенная къ

(*) Грехейкъ, стр. 136.

(**) „Оружейный Сборникъ“ за 1864 годъ, № 1-й.

поясной португезъ, всею тяжестью своею дѣйствуетъ преимущественно на правый бокъ: отсюда страданіе печени. 5) Она протираетъ и рветъ сѣдельныя принадлежности: вальтрапъ и потникъ. 6) Бряцаніе колець, удары ноженъ о стремя и шпоры производятъ шумъ, выдающій всякое скрытное и ночное движеніе. 7) Сѣсть на лошадь можно только съ лѣвой стороны; съ правой неудобно потому, что при переноскѣ лѣвой ноги черезъ крупъ сабля попадетъ между ногъ. 8) Правилами верховой ѣзды предписывается: если лошадь опрокидывается или падаетъ, спрыгнуть на правую или на лѣвую сторону, смотря по тому, который глазъ лошади видѣнъ. Спрыгнуть же на *правую* сторону весьма трудно: почти всегда за заднюю луку зацѣпится португезъ, да и сабля, висящая съ лѣвой стороны, нерѣдко за что-нибудь тамъ зацѣпится: въ обоихъ случаяхъ положеніе всадника весьма опасное. 9) Наконецъ, сабля не позволяетъ носить пистолеть у лѣваго же боку, откуда его удобнѣе было бы доставать, чѣмъ теперь, когда онъ у праваго боку или почти назадъ.

Всѣ эти недостатки, по нашему мнѣнію, устраняются весьма легко и просто: стоитъ не надѣвать саблю ни черезъ плечо, ни на поясъ, а прикрѣпить къ сѣдлу. Для этого къ лѣвой лавкѣ сѣдла прикрѣпить двѣ, такъ называемыя, *каратыжки*, на которыя и надѣвать кольца сабли: такимъ образомъ, сабля будетъ лежать вдоль лошади, эфесомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ была кобура (*). Это можетъ показаться сначала страннымъ и неудобнымъ; но если взвѣсить выгоды и недостатки каждаго изъ способовъ носки сабли, то увидимъ, что преимущества останутся на сторонѣ предлагаемаго способа.

Начать съ того, что всѣ упомянутыя *недостатки* нынѣшняго способа носки обращаются въ *преимущества* того способа, который можетъ ихъ устранить: ихъ, слѣдовательно, *девять*; невыгодъ же предлагаемаго способа можно насчитать только *три*, да и то довольно условныхъ. Наконецъ, наше предложеніе вовсе не новость: уже 25 лѣтъ этотъ способъ существуетъ въ полкахъ снаговъ, которые имѣли возможность убѣдиться въ его практичности и удобствахъ во многихъ большихъ кавалерій-

(*) Г. Ильинскій, въ своей прекрасной статьѣ: „Еще о драгунахъ“ („Военный Сборникъ“ 1864 года, № 5), предлагаетъ каждый разъ, при спѣшиваніи, снимать сабли и вѣшать ихъ на сѣдло. Очевидно, что этотъ способъ менѣе удобенъ, нежели предлагаемый нами.

скихъ сраженіяхъ въ Африкѣ, а также въ Крыму, Сиріи, Кохинхинѣ и, наконецъ, въ Мексикѣ.

Новому способу приписываютъ слѣдующіе недостатки:

1) Трудно вложить саблю въ ножны; но вѣдь если саблю владываютъ въ ножны, значитъ она болѣе не нужна, то есть бой уже конченъ; слѣдовательно, времени хватить на столько, чтобы вложить саблю. Спаги дѣлаютъ это довольно ловко.

2) Если лошадь будетъ убита, то всадникъ остается безоружнымъ. Вопросъ: *когда* убита лошадь? Если *во время* атаки на непріятели, то сабля, вѣроятно, уже вынута; если же *до* атаки, то, конечно, еще много времени, чтобы снять съ убитой лошади свою саблю.

3) Если лошадь сбита всадника и ушла, всадникъ остается безоружнымъ. Но, во-первыхъ, не совсѣмъ, потому что у него еще остается пистолеть; а во-вторыхъ кавалеристъ, оставшійся безъ лошади передъ непріятеlemъ, немного сдѣлаетъ съ своей саблей.

Очевидно, что недостатокъ сколько-нибудь серьезный — это *первый*. Итакъ, *десять* достоинствъ противъ *одного* недостатка! Намъ кажется полезнымъ ввести этотъ способъ и въ нашей кавалеріи, какъ это уже имѣется въ виду сдѣлать во французской арміи:

„По словамъ нѣсколькихъ старшихъ офицеровъ африканской кавалеріи, введеніе такого способа ношенія сабли предстоить и другимъ полкамъ“ (*).

Мы сказали уже, что въ ножнахъ нашихъ сабель нѣтъ приспособленія для укрѣпленія въ нихъ сабли, которая нерѣдко выпадаетъ при быстрыхъ аллюрахъ. Въ избѣжаніе этого, солдаты привязываютъ дужку эфеса къ кольцу ноженъ или заматываютъ темлякъ и короткій пасикъ портупей, такъ, что послѣ съ трудомъ распуташь. Представимъ же себѣ, что кавалеристу понадобится выхватить саблю (уронилъ, напрімѣръ, пикую и т. п.): что тутъ дѣлать?

Выпаденіе сабли легко устранить: стоитъ только придѣлать у самаго устья ноженъ двѣ широкія пружинки, которыя бы зажимали клинокъ съ боковъ и, такимъ образомъ, не позволяли бы ему выскакивать. Такое приспособленіе мы видѣли у французскихъ сабель (**).

(*) „Оружейный Сборникъ“ за 1864 годъ, № 1-й.

(**) Во время перемирія въ минувшую крымскую кампанію, офицеры враждебныхъ сторонъ обитнвались визитами и знакомили вчерашнихъ враговъ съ но-

Объ огнестрѣльномъ оружіи мы скажемъ только то, что оно (конечно, исключая драгунскаго) играетъ весьма незавидную роль. Пистолеты еще могутъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ полезны; но наши штуцера — когда они и съ какой дистанціи могутъ вредить неприятелю? Правильность выстрѣла и вѣроятность попасть въ цѣль совершенно зависятъ отъ спокойствія коня, такъ что одного умѣнья недостаточно: надо еще и счастье. Не разъ намъ случалось видѣть, что, въ моментъ выстрѣла, лошадь, давно уже насторожившая уши, чувствуя, что всадникъ что-то замышляетъ, вдругъ дѣлаетъ поворотъ и пуля летитъ чуть не въ сосѣда. Заряжать штуцеръ на конѣ, особенно не въ сомкнутомъ строю (гдѣ кони стоятъ довольно спокойно) не очень удобно, потому что упереть прикладъ не во что и приходится держать его на вѣсу, отчего прибавка пули затруднительна, тѣмъ болѣе, что желѣзный шомполъ, привѣшенный на ремешкѣ, рѣшительно негоденъ: острый конецъ его, въ видѣ отвертки, рѣжетъ пальцы, самъ шомполъ тонокъ, рука скользитъ. Словомъ — кавалерійскій солдатъ избѣгаетъ употреблять казенный шомполъ: на ученье, когда приказано взять патроны, солдаты берутъ съ собою и коротенькія палочки: это и есть шомпола. Чтобы не возиться долго съ капсюльной сумкой, которую каждый разъ надо застегнуть, солдатъ обыкновенно вынимаетъ заразъ нѣсколько капсюлей, въ запасъ на слѣдующіе выстрѣлы или на случай потери капсюля (ихъ безпрестанно росяютъ). Теперь вопросъ: куда же положить эти капсюли? Конечно, въ ротъ: отсюда частыя осыпки и такъ называемыя затяжные выстрѣлы — „long feu“. Эти затяжные выстрѣлы иногда влекутъ за собой неприятели послѣдствія: на примѣръ, солдатъ стрѣляетъ, выстрѣла однако не послѣдовало, а хлопнулъ одинъ только капсюль; естественно, солдатъ опускаетъ на панталеръ свой штуцеръ или поворачивается назадъ, и въ это-то время вдругъ грянетъ выстрѣлъ....

Незданые выстрѣлы также часто случаются при надѣваніи капсюля: въ то время, когда курокъ уже спускается со взвода, вдругъ лошадь дернетъ за поводъ или какъ-нибудь повернется, съдворъ послѣдуетъ подхватить поводья — и выстрѣлъ....

дробностями своего вооруженія и снаряженія. Между прочимъ мы замѣтили, что на обухъ сабли у самого воеса непремѣнно вырѣзана фамилія владѣльца. Въ прежніе времена каждый кавалеристъ вырѣзывалъ свое имя на желѣзѣ копыя и клялся сдѣлать это имя страшнымъ для враговъ.

По двумъ этимъ причинамъ, если ужъ надобно въ кавалеріи, огнестрѣльное оружіе, то, конечно, заряжающееся съ казны, и въ особенности такое, которое бы не заставляло возиться еще съ капсюлемъ. Изъ числа дуншихъ въ этомъ отношеніи системъ можно указать на прусское игловое ружье, гдѣ огонь сообщается заряду посредствомъ ударной лепешки, воспламеняющейся отъ прокалыванія ея иглою. Хорошо также ружье *Лебоисъ* съ мѣдными патронами, усовершенствованными петербургскимъ фабрикантомъ *Вишневымъ*: тутъ тоже игла бьетъ по капсюлю внутри патрона. Кажется, вопросъ объ огнестрѣльномъ оружіи для кавалеріи рѣшенъ уже правительствомъ въ пользу *двунульной* системы (*obfusateur*). Что касается мысли вооружить кавалерію револьверами, то надо принять во вниманіе: *во-первыхъ*, то, что незначительная польза, какою они приносятъ, не окупитъ издержекъ; *во-вторыхъ*, сложность механизма, обуславливающую вмѣстѣ и прочность; *въ-третьихъ*, не надо забывать и того, что всадникъ, выпустивъ коммандъ выстрѣловъ (отъ 4 до 6), потомъ долгое время долженъ стоять бездѣятно, пока не зарядитъ снова всѣхъ камеръ, или будетъ заряжать по одной камерѣ и немедленно стрѣлять; въ этомъ случаѣ револьверъ совершенно теряетъ свое значеніе.

Да, наконецъ, излишнее распространеніе въ кавалеріи огнестрѣльнаго оружія скорѣе вредно, чѣмъ полезно, потому что дастъ, пожалуй, возможность замѣнять холодное оружіе — въ сущности, специальность кавалеріи — огнестрѣльнымъ и, такимъ образомъ, сомнительный успѣхъ предпочитать болѣе вѣроятному.

Въ прежнее время кавалерія старалась разстроить противника пальбой; но Густавъ-Адольфъ доказалъ на дѣлѣ, что саблей гораздо больше надѣлаешь бѣды неприятелю, и пальба была оставлена. Со времени Густава-Адольфа много прошло лѣтъ; но не далѣе какъ въ 1830 году нашли еще въ Россіи люди, которые не вѣрили опытамъ предшественниковъ.

Такъ въ дѣлѣ у деревни *Сточекъ*, когда польская кавалерія кинулась на Переяславскій конно-егерскій полкъ, егеря, по приказанію генерала *Пащикова*, *встрѣтили поляковъ залпами изъ карабиновъ* (!), и вслѣдъ затѣмъ 1-й и 3-й дивизіоны немедленно дали тылъ, не дождавшись столкновения; 2-й дивизіонъ вступилъ было въ рукопашную, но тотчасъ же былъ опрокинутъ. Другой, еще болѣе поразительный примѣръ представляетъ намъ

дѣло при деревнѣ *Ободное* (*) 7-го мая 1830 года. Три эскадрона конныхъ егерей, съ двумя орудіями, подъ начальствомъ генерала *Щуцаго*, были атакованы небольшимъ отрядомъ польской кавалеріи. „Вмѣсто того, чтобы двинуться на встрѣчу инсургентамъ, русскій генераль, по непостижимой причинѣ, выжидалъ ихъ, не двигаясь съ мѣста, съ наведенными карабинами, и затѣмъ приказалъ открыть огонь по взводу. Но большая часть выстрѣловъ пропала на воздухъ, и прежде нежели разсѣялся дымъ, а люди успѣли выхватить сабли, инсургенты уже ворвались въ ихъ ряды. Изъ орудій успѣли сдѣлать только пять выстрѣловъ, прислуга переколота, орудія захвачены, а изъ отряда спаслись нѣсколько человѣкъ.“

Въ прусскомъ регламентѣ 1745 года, между прочимъ, сказано: „Ни одинъ эскадронъ, во имя чести своей и репутаціи, не долженъ осмѣлиться стрѣлять; напротивъ, всѣ должны летѣть на непріятели съ саблями въ рукахъ“.

Это было сказано почти за сто лѣтъ до генерала *Щуцаго*....

Впрочемъ, не у насъ однихъ удавались такіе случаи: „положительно извѣстно, что во время войны на Испанскомъ полуостровѣ кавалерійскіе отряды *перестрѣливались иногда между собою въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, не убивъ и не ранивъ ни одного челоуька*“. (**)

Кстати: это доказываетъ, на сколько можно довѣрять стрѣльбѣ съ лошади. Бываютъ однако случаи, что эскадрону, особенно въ отдѣльной командировкѣ, очень и очень пригодились бы хотя немного пѣшихъ стрѣлковъ; а гдѣ ихъ взять? Необходимо, слѣдовательно, имѣть челоуькъ по тридцати стрѣлковъ на каждый эскадронъ: это придастъ ему большую независимость и самостоятельность.

Къ сожалѣнію, всѣ способы поски ружья болѣе или менѣе неудовлетворительны: если ружье за спиной, оно колотитъ челоуька; если ружье на панталерѣ—бьетъ по ногѣ и при вальзаніи на лошадь попадаетъ между ногъ, такъ что всадникъ вдругъ очутится верхомъ на карабинѣ; если, наконецъ, привязывать ружье къ сѣдлу, то въ тѣснотѣ и давкѣ, неизбѣжныхъ въ строю, стволъ можетъ быть смятъ или погнуть.

До какой степени вредно дѣйствуютъ на челоуька постоян-

(*) Томъ II, стр. 421, „Исторія польскаго возстанія 1840 года“. Сивта. Дерев. Квятицкаго.

(**) Нолянъ.

ны точки ружья, могут служить примером наши дружины: из них сравнительно мало остается на вторичную службу, поступает в неспособные сравнительно большой процент, и наконец, относительные убытки в стрельбе довольно слабы. Нам кажется, можно было бы помочь горю, устрояв так, чтобы ружье не совсем плотно прилегало к спине. Этой цели можно достигнуть, например, кость небольшой подушечкой, подплатой под чехолъ на высотѣ лопатки, а чтобы ружье не болталось, прицепить его кость крючкомъ къ поясу.

А всего, кажется, проще—это дать хороший и большой пистолетъ двупульной системы, который бы билъ сносно шаговъ на *дальсти*. Когда не надобенъ, пусть покоится въ ежедневной кобурѣ; когда надо изъ него действовать какъ изъ карабина, можно привинтить къ рукояткѣ жезвѣный прикладъ. Устройте пистолетъ, который бы въ состояніи былъ бить на 200 шаговъ, не только возможно, но и нетрудно: нашъ кавалерійскій штуцеръ имѣетъ стволъ не длиннѣе пистолетнаго прежней фабрики калии (только прикладъ большой), действуетъ же шаговъ до 300. Кроме того револьверы Кольта бьютъ на 140 шаговъ; несмотря на прорывъ газовъ между барабанищемъ и стволомъ; револьверы *Девилла* бьютъ на 200 шаговъ. Относительно револьверовъ мы позволимъ себѣ повторить здѣсь сказанное нами въ заключеніи статьи: „Взглядъ на исторію и современное состояніе повторительнаго оружія“ (*).

Револьверы съ особенною пользою могутъ быть введены въ частяхъ войскъ, которымъ приходится бороться съ сильнѣйшимъ неприятелемъ, что нетрудно предвидѣть, воображая свойство мѣстности (**), качества неприятеля и образъ веденія войны.

Въ странѣ гѣсистой, особенно способствующей началаннымъ нападеніямъ, а также и въ случаѣ дѣйствій на мѣстности пересѣченной, было бы полезно вооружать револьверами отдѣльныя команды, и если при этомъ неприятель дѣйствуетъ партіями, набѣгами, то вопросъ о вооруженіи нѣкоторой части войскъ револьверами приобретаетъ новое значеніе.

(*) „Военный Сборникъ“ за 1860 годъ, № 12.

(**) Въ гѣсу не такъ важенъ штуцеръ, какъ револьверъ; за деревьями каменъ не увидишь, а стрѣляя можно развѣ только въ упоръ; здѣсь неопытность нападеній заставляетъ быть вѣчно наготовѣ, и кто бы не согласился имѣть въ это время, при себѣ револьверъ?

Итакъ, признаемъ, что жаръ если не столько же убійственъ, какъ холодъ, то на столько же невыносимъ, а нѣтъ такого случая и права обидѣ на наше вниманіе должны быть одинаковы.

Относительно простоты одежды: „Истинный воин — говоритъ Мажневскій — не долженъ думать о шитьи изъ суконной ткани, ни богатой одеждѣ“.

Нынѣшній головной уборъ довольно удобенъ. Вообще, козырьки совершенно необходимы: въ войскахъ и такъ слишкомъ развилась куриная слѣпота. Одно довольно странно: если унѣ оставили улемъ прежнія шапки и дали вмѣстѣ съ тѣмъ киверъ, то почему было оставлять видъ кивера? Солдатскій видъ кивера дѣлается легко: клеенчатый чехолъ на парадную шапку — и все тутъ; офицеру же надобно имѣть отдѣльно оба кивера: а каждый, кто ходилъ въ походы, знаетъ, что такое липкій деревянный ящикъ. Въ военное время меръядо кивера оставляются въ складахъ, какъ это было развѣшено нѣкоторымъ полкамъ въ крымскую кампанію.

Все военные диспуты предпочитаютъ черные ремни бѣлымъ, которые далеко видны; а все-таки бѣлые ремни не выводятся. Это, конечно, мелочь; но вѣдь эта мелочь отнимаетъ у солдата много времени и безпрестанно панкается. Самое бѣднѣе амуниціи производить въ казармахъ нечистоту и запахъ. Кто не замѣчалъ, что солдатъ *изъ бѣлой* амуниціи панкнетъ иначе и какъ-то кривѣе, чѣмъ *изъ черной*: это зависитъ отъ животнаго клея, входящаго въ составъ краски.

Относительно рейтузъ скажемъ, что они должны быть достаточно длинны, иначе будутъ рваться отъ вѣды въ шару, не позволять высоко поднимать ногу, что при взлѣзаніи коня бѣжно, и, наконецъ, натягиваясь сильно на кофляхъ, причиняютъ нестерпимую боль. Въ арміи большинство носитъ такія рейтузы — не очень красиво, но практично и доказываетъ ясный взглядъ на назначеніе одежды: не красота, а удобство.

Хорошо бы дозволить офицерамъ носить на довшинныхъ ученияхъ и прогулкахъ верхомъ штиблеты, которые во многихъ случаяхъ замѣнили бы длинные сапоги, а главное охраняли бы рейтузы отъ конскаго поту и грязи. Кроме того, офицеръ, отправляясь куда нибудь верхомъ, все-таки имѣлъ бы возможность явиться въ общество въ довольно приличномъ видѣ, сбросивъ свои штиблеты. Мы знаемъ по опыту, что именно невозможность сохранить въ чистотѣ рейтузы удерживала

зачастую офицера отъ желанія прогуляться верхомъ къ соседу-помѣщику въ гости. Все, что можетъ, такъ или иначе, способствовать развитію въ офицерахъ охоты къ верховой ѣздѣ, должно быть сдѣлано. Хорошія штиблеты изъ американской лакированной кожи стоятъ 6 рублей и окутятся въ первый же годъ экономіей въ рейгузахъ.

Португелъ драгунскаго образца очень скоро прогираетъ лѣвую ногу всадника въ томъ мѣстѣ, гдѣ прилегаетъ короткій пазухъ. Причина та, что оба пазуха подшиты галунномъ и съ исподу: галунъ дѣйствуетъ какъ терка и весьма скоро прогираетъ сукно насквозь. Надо съ исподу оставить гладкую поверхность, для уменьшенія тренія, напримеръ: савианъ, замшу.

Въ Пруссіи офицерамъ, въ службѣ я на обыкновенныя ученья, дозволяется носить въ видѣ португеля изъ лакированной кожи, что доставляетъ весьма порядочную экономію и выводитъ съ тѣмъ красиво.

Лакированная португелъ недавно введена и въ нашей пѣхотѣ; но онъ еще болѣе необходимъ въ кавалеріи: золото и серебро нашихъ португелей все равно скрывается отъ грязи, потому что поспѣвая португелъ надвигается надъ саблунъ. Хороши бы конюскаго образца изъ красиваго савиана.

Перейдемъ къ конскимъ уборамъ. Въ нашей кавалеріи употребляется теперь седло Станковича, имѣющее передъ всеми другими то важное преимущество, что нисколько не касается самага хребта лошади. Остроуговое устройство живца, позволяя по произволу измѣнять положеніе центра тяжести седла относительно центра тяжести лошади, имѣетъ съ тѣмъ предохранять хребетъ лошади отъ непосредственнаго давленія тяжестью всадника. Даже лошади, спавшая съ тѣла и съ острою спиной, нисколько не терпитъ отъ седла, тогда какъ въ прежнее время спины набивались довольно скоро; затѣмъ гнѣніе съ отвратительнымъ запахомъ, и лошади гибли... Англійское седло, напримеръ, ложится всею нижней поверхностью на спину лошади, поэтому оно годно только на сытую и кругло-ребрую лошадь съ широкой спиной; стоять этой же лошади нѣсколько поихудать, показать кость, и седло набьетъ ей спину.

Казацкое седло можетъ еще лучше быть приспособлено ко всякимъ случайностямъ: какъ бы ни отошала лошадь, спина ея должна остаться цѣла. На седло кладется подушка-чемоданъ,

куда укладываются вещи казака. Это значительно облегчаетъ самыя продолжительныя и форсированныя передвиженія: 70 верстъ въ сутки на рысяхъ казаку ничего не значить, тогда какъ нашъ братъ, регулярный, воротится домой разбитый и разломанный. Дѣйствительно, есть нѣкоторая разница сидѣть на мягкой подушкѣ или на туго-натянутомъ кожаномъ живцѣ, едва покрытомъ попоной.

Къ числу недостатковъ казачкаго сѣдла принадлежатъ:

1) Всадникъ слишкомъ высоко сидитъ надъ спиной лошади: известно, что чѣмъ ниже, тѣмъ ближе къ спинѣ и тѣмъ лучше въ отношеніи къ крѣпости усѣста... Впрочемъ, отнесеніемъ возвышенное положеніе всадника даетъ ему преимуществва *командаванія* (въ смыслѣ превышенія) надъ противникомъ „до рукъ“ и уравниваетъ нѣсколько шансы въ передвѣлкѣ съ противникомъ, сидящимъ на болѣе рослой лошади.

2) Высокая передняя лука и способъ вѣды корпусомъ впередъ служатъ иногда причиною ушибовъ; напримѣръ, если лошадь вдругъ и неожиданно остановилась, споткнулась и т. п. Отсюда значительное число казаковъ, страдающихъ грыжею.

3) Короткія стремяна, особенно при вѣдѣ въ горахъ, заставляя всадника преимущественно стоять на ногахъ, производятъ болѣзни ногъ (расширеніе жилъ). Черкесы, для устраненія болѣзни, употребляютъ соответствующую обувь: развѣзанной спереди сапогъ туго на туго зашнуровывается ремнемъ и сдавливаетъ такимъ образомъ ногу — средство практичное.

Одинъ важный недостатокъ сѣдла Станковича состоитъ въ томъ, что оно очень тяжело, такъ что съ полнымъ व्यокомъ нѣтъ возможности поднять его и положить на лошадь одному человѣку. Недурно было бы посократить гудетныя принадлежности; достаточно имѣть полный приборъ только на отдѣленіе: одинъ возить платяную щетку, другой сапожную, третій ваксу и т. д. Чѣмъ меньше, тѣмъ лучше. „*Flanquez vos broses au diable et votre cavalerie sera bonne*“ (киньте ваши щетки къ чорту, и ваша кавалерія будетъ хороша), говоритъ французскій дивизионный генералъ Юсуфъ (*). Хорошо было бы также, если бы чемоданъ открывался кверху, и для этого не надо бы было слѣзать съ лошади. Отмѣна вальтраповъ весьма полезна: они не приносили ни малѣйшей пользы, ибо

(*) „Оружейный Сборникъ“, № 1.

въ хорошую погоду ить не *оме* *чио* прикрывать сѣдло, а въ дурную ить *мечю* прикрывать на сѣдлѣ. Дѣйствительно, вальтрапы такъ были устроены, что прикрывали только попоны да шнфель. Въ дурную погоду шнфель будетъ, конечно, надѣтъ на всадника: выходить, что вальтрапы существовали только для того, чтобы прикрывать ими попоны!

Нѣкоторые предлагаютъ кожаные чепраки — тоже ненужная вещь. Надо еще замѣтить, что уборъ изъ сыромятной кожи, вѣроятно, по причинѣ дурнаго способа приготовления сыромяти, въ сырую погоду вытягивается, рвется въ прыжкахъ и дыркахъ.

Кажется, не мѣшало бы сдѣлать стремяна потоньше: ить причины дѣлать ихъ массивными. Чересы и казаки, которые вѣчно стоятъ на стремянахъ, дѣлаютъ ихъ далеко не такими тяжелыми, какъ въ регулярной кавалерии. Ить стремянья — служить всаднику ступенями для взлѣзанія на лошадь и поддерживать въ равновѣсїи, доставая надежныя точки опоры. Для достиженія обихъ этихъ цѣлей вовсе не надобно дѣлать стремяна въ нѣсколько фунтовъ вѣсомъ. Вообще, чѣмъ легче тяжесть, лежащая на спинѣ лошади, тѣмъ меньше она устаетъ и тѣмъ быстрее свываетъ; а потому каждый лишній золотникъ на лошади падаетъ тяжкимъ гнѣвомъ на душу кавалериста. Могли бы сказать: легкое стремя болтается, когда лошади ведутъ въ заводу, и толкаетъ ее ногу бока; или всадникъ, потерявший стремя, долго не найдетъ его ногою, если оно легко; потому что оно безпрестанно вертится, качается и уходитъ отъ носка. Первое можно устранить перекидывая стремяна черезъ сѣдло или просовывая ихъ подъ ремни поперся; что касаетъ втораго возраженія, то вообще теперь, при короткихъ стремянахъ, потерять стремя — отыдъ, а умѣть потерять — умѣй и кайги! Пробовали было у насъ ввести вертящееся стремя; но, независимо отъ сложности, оно еще ломалось, при унорѣ на него во время сланкировки.

Перейдемъ теперь къ спорному вопросу: *мундштука или уздечка?*

Въ пользу мундштука приводятъ обыкновенно то, что лошадь *больше во власти* всадника, чѣмъ на уздечкѣ; что лошадь выступать гораздо красивѣе, *параднѣе* — вотъ и все; болше, ужъ не выкинешь изъ мундштука никакихъ достоинствъ.

Взглянемъ попристальнѣе въ оба эти достоинства, и увидимъ:

что оба, оди не важны для *настоящаго* кавалериста; особенно въ виду столькихъ недостатковъ, какіе присущи мундштуку.

Въ чьихъ глазахъ можете приобрести *особенную* важность первое достоинство мундштука? Кто больше заботится объ *оумности* власти? Трусливый и слабый вздохъ. Онъ такъ боится всякаго *свободнаго* движенія лошади, до такой степени не вѣрить своему превосходству и силѣ, что одна мысль о возможности занестись, благодаря коню, заставляетъ его прибѣгать чуть не къ орудіямъ пытки. Результатъ — забитость и отупленіе энергии и силы.

Что такое мундштукъ? Это желѣзный *капканъ*, куда зажимаются и занимаютъ нижнюю часть лошади, чтобы потомъ можно было водить лошадь куда угодно. Мундштукъ дѣйствуетъ какъ *лепестокъ*, одиной поперечной связкой наморщиво, а другой можетъ быть зажимаемъ по желанію и по удобности. Дѣйствительно: *идина*, охватывая подбородокъ, захватываетъ челюсть снизу, а мундштужное ушко, раскладываемое на *беззубой части*, давить сверху. Степень давленія зависитъ отъ большаго или меньшаго притягиванія поводьевъ. Темперъ, надѣмая на каждую кавалеристу, становится *деннымъ* и образъ дѣйствія мундштука, и почему не всякая лошадь *идетъ въ лѣду*, и почему иногда подпадаютъ совершенно *противоположные* ожиданиямъ результаты. Для неспеціалистовъ же мы скажемъ нѣсколько словъ къ поясненію. Чтобы понять, *какъ дѣйствуетъ* мундштукъ, надо разсмотрѣть его какъ рычагъ и разыскать и точку опоры, и точку приложенія сопротивленія, и точку приложенія силы, и самое направленіе этой силы. Все эти вопросы, очевидно, не разъяснятся путемъ опыта и долготной службы; тутъ надо прислушиться къ дѣлу путемъ теоріи: простой чертежъ да немножко свѣдѣній изъ механики — и дѣло сдѣлано.

Мы разсмотримъ сначала мундштукъ, какъ механическое орудіе, какъ рычагъ; обратимъ вниманіе на главную цѣль усилій всадника и уяснимъ себѣ, на сколько и какъ удовлетворять мундштуку назначенію — ясно и толково передавать лошади волю всадника. Тогда наши понятія избавятся отъ сбивчивости разныхъ кавалерійскихъ терминовъ (упоръ и опора), которые иногда противорѣчатъ, по видимому, наукѣ. Прежде всего напомнимъ, что рычагомъ перваго рода или двулучнымъ называется такой, у котораго точка опоры находится *между* точками приложенія силы и сопротивленія; во *сторону* передъ

или къ *однороднымъ* рычагамъ причисляются такіе, у которыхъ точка опоры на одномъ концѣ, а не между силами.

Одни причисляютъ мундштукъ къ первому, другіе ко второму, и какъ тѣ, такъ и другіе правы: Это видимое противорѣчіе имѣетъ однако нѣкоторый смыслъ: припомнимъ, что вся разница между разнородными рычагами заключается въ относительномъ положеніи точки опоры. Гдѣ же точка опоры въ мундштукѣ?

Обхватите мундштукъ попрочнѣе, вложите его въ ротъ мертвой лошади, пристегните потуже цѣпочку и дерните изъ всей силы за поводья: челюсть будетъ переломлена въ точкѣ прикосновенія удила. Отсюда вы видите, что сила приложена въ томъ мѣстѣ, гдѣ пристегнуты поводья, сопротивленіе тамъ, гдѣ удило; следовательно точка опоры въ томъ мѣстѣ, гдѣ прикреплена цѣпка: значить мундштукъ есть рычагъ *второго* рода. Теперь отстегнемъ цѣпку и потянемъ поводья: верхнія щечки пойдутъ впередъ, нижнія щечки тянущая за поводьями и мундштукъ вращается на удила. Потянемъ изъ всей силы, и увидимъ, что щечные ремни оголовья порвались; отсюда слѣдуетъ, что *если цѣпочка не пристегнута или очень слабо натянута*, то вся сила рычага направляется противъ рамней, значить точка опоры перешла на удило, а сопротивленіе къ крючкамъ мундштука, который играетъ роль рычага *первого* рода.

Итакъ, пока цѣпочка не натянута, мундштукъ на челюсть не дѣйствуетъ и точка опоры находится на удила; но по мѣрѣ притягиванія поводьевъ верхнія щечки уходятъ впередъ, натягиваютъ цѣпочку, которая уже не позволитъ мундштуку вращаться и къ которой переходитъ и точка опоры.

На мертвой лошади все это такъ, а на живой нѣсколько иначе: тутъ надо принять въ соображеніе *чувство боли*.

Чувство боли проявляется на деснахъ и въ выемкѣ подбородка; гдѣ на ностяхъ лежитъ цѣпочка. Такъ какъ главная цель мундштука—возбудить чувство боли, то, говоря о мундштукѣ, слѣдуетъ вездѣ вмѣсто слова *сопротивленіе* употреблять слово *боли*.

Воль, какъ мы сказали, ощущается лошадию въ двухъ мѣстахъ. Что же это за рычагъ, у котораго могутъ быть и двѣ точки опоры и ни одной, двѣ силы сопротивленія и ни одной?

Такъ какъ боль чувствуется въ двухъ мѣстахъ, то, очевидно, гдѣ она сильнѣе, туда направляется и вниманіе лошади.

если сильнѣе на деснахъ, лошадь старается избавиться отъ боли, убирая назадъ нижнюю челюсть, и подбрасываетъ голову; если боль сильнѣе на подбородкѣ, то есть снизу — лошадь, естественно, должна поднять голову.

Вотъ и разгадка, отчего мундштукъ даетъ совершенно противоположные результаты и отчего не всякая лошадь „идетъ въ ѣду“. Все зависитъ отъ устройства десенъ и подбородка: при костяхъ острыхъ и тонкихъ боль сильнѣе, чѣмъ при толстыхъ и круглыхъ — отсюда множество видовъ мундштучныхъ удилъ, необходимость иногда замѣнять цѣпку широкимъ ремнемъ, и такъ далѣе.

Боль отъ мундштука до такой степени невыносима, что весьма многія лошади получаютъ пороки, своравливаются, словомъ — не идутъ въ ѣду; вотъ отчего рѣдко можно ручаться навѣрное, что лошадь будетъ выважена.

Выходитъ, что и при мундштукѣ лошадь не всегда молдитъ, что хочетъ всадникъ: деретъ голову вмѣсто того, чтобы сдѣлать ее; оспонидывается, когда вовсе того не кончешь, и тому подобное. А сколько болѣзней причиняетъ мундштукъ: опухоли языка, раны десенъ, переломъ челюстей, раны на подбородкѣ, ссадины въ углахъ губъ. Кромѣ того переноситъ сдвливаетъ нось и затрудняетъ дыханіе. Самый подборъ, за которымъ такъ гонятся нѣкоторые кавалеристы, сдвливаетъ гортань, воздуха проходитъ недостаточно, дышать тяжело, и вотъ почему у нѣкоторыхъ лошадей изъ горла вылетаютъ какіе-то шипящіе и свистящіе звуки — лошадь скорѣе устаетъ.

Для должной выработки шеи и ганаши надо, чтобы слюенныя желѣзки, находящіяся въ самомъ стибѣ шеи, *усохли*. Это и есть первая задача, которую начинаютъ преслѣдовать какъ только лошадь попала на корду. Желѣзки усохли и не мѣняють уже подбору — цѣль достигнута, но достигнута цѣною здоровья лошади: извѣстна необходимость слюны въ процесѣ пищеваренія, и хотя у лошади остаются еще подъязычныя желѣзки, но, какъ бы то ни было, равновѣсіе уже нарушено.

Посмотрите, какой задержанный ходъ у замундштученныхъ лошадей. Казаки идутъ свободнымъ широкимъ шагомъ — *аодю*, а наши регулярные полки не послѣвають за ними иначе, какъ рысью!

Въ походѣ солдатъ иногда распусить поводья, думая облегчить лошадь, которая, дѣйствительно, старается *выбратъ* по-

ведь. Тогда вся тяжесть въ три фунта ложится исключительно на мускулы шеи, и если еще при этомъ „бьетъ мука“, лошадь начинаетъ встряхивать головой, пробуетъ почесать пубами плечо или ногу и, получая сильные толчки на десна и языкъ, набиваетъ ихъ. Припомнимъ еще, что мундштукъ увеличиваетъ вѣсъ конскаго снаряженія, усложняетъ матеріальную часть и, наконецъ, затрудняетъ обученіе. Лошадь можетъ посѣть не ранѣе трехъ, а солдатъ не ранѣе трехъ съ половиною или четырехъ мѣсяцевъ.

Всѣ недостатки мундштука сами собою говорятъ въ пользу уздечки; но и независимо отъ этого уздечка имѣетъ нѣсколько собственно ей принадлежащихъ достоинствъ. Перечислимъ, для сравненія, свойства мундштука и уздечки.

Мундштукъ: 1) увеличиваетъ вѣсъ конскаго снаряженія болѣе, нѣмъ на три фунта; 2) усложняетъ матеріальную часть; 3) требуетъ разныхъ измѣненій сообразно съ устройствомъ рта и характера лошади; 4) утомляетъ шейные позвонки; 5) стѣсняетъ дыханіе перемосемъ и сдавливаніемъ горла; 6) скоро утомляетъ лошадь; 7) вредно дѣйствуетъ на ея здоревье уменьшеніемъ количества вдыхаемаго воздуха и количества отдѣляемой слюны; 8) набиваетъ десна; 9) не всегда достигаетъ цѣли и приводитъ иногда къ противоположнымъ результатамъ; 10) задерживаетъ ходъ; 11) затрудняетъ обученіе и лошади и всадника.

Уздечка: 1) значительно легче мундштука; 2) одна и та же годится для всякой лошади; 3) не утомляетъ шейныхъ позвонковъ; 4) оставляетъ дыханіе свободнымъ; 5) не набиваетъ рта; 6) не задерживаетъ хода; 7) даетъ возможность скоро приготовить кавалериста, потому что выучиться управлять уздечкой нетрудно; 8) даже и въ беспокойной рукѣ меньше вредитъ лошади, чѣмъ мундштукъ; 9) внуздываніе втрое скорѣе мундштученія; 10) даетъ возможность и кормить не разнуздывая лошадь; 11) легко принимается лошадью, отчего всякая лошадь идетъ въ вѣду. Но за то: 1) Съ уздечкой, говорятъ, лошадь легче занесетъ; а развѣ на мундштукѣ не заноситъ? Къ тому же, кто мѣшаетъ для такой лошади сдѣлать удила съ острыми гранями, какъ это дѣлается у персіанъ? 2) Лошадь идетъ не такъ *парадно*, какъ на мундштукѣ... Но кавалерія нужна для *бол*. Никакого вреда неприятелю не будетъ оттого только, что всѣ лошади пошли съ лѣвой ноги.

Въ пользу уздечекъ можно сказать еще и то, что вся наша кавалерія, прежде чѣмъ свѣтъ на мундштукъ, вырывается лошадей сначала на уздечкахъ. Испорченныхъ мундштуками, *польскими* лошадей отъвѣжаютъ опыты-таки на уздечкахъ: значитъ, уздечки лучше, коли въ ней спасение.

Покинь ходить на мундштукахъ, а возишь съ собой и уздечки! И если бы еще у насъ не было прекрасныхъ и блестящихъ прищировъ передъ глазами, а то вѣдь все казачество... наконецъ, наши славные нижегородцы. (*)

Наконецъ, и *въ наши дѣйствующія* полки, „въ 1829 году, въ турецкую войну, употребляли большую часть мундштучный трезаель, чтобы на привалахъ пользоваться подножными коромь“. (**)

Пусть каждый сравнитъ указанные достоинства уздечки и мундштука, и мы убѣждены, что преимущество останется за первою.

Скажемъ нѣсколько словъ о *коновязяхъ*, которыя, какъ известно, состоятъ у насъ изъ ряда *бываемыхъ* въ землю колевъ и продѣтой сквозь кольца ихъ веревки. Къ этой-то веревкѣ привязываются лошади посредствомъ волосныхъ *чумбуровъ*. Шея лошади очень сильна, и если кони почему-либо шарахнутся, то колья будутъ выворочены, либо чумбуръ порванъ, и лошади разбѣгутся. Такіе случаи не рѣдкость: въ крымскую кампанію у насъ шарахнулся ночью одинъ драгунскій дивизионъ; лошади понесли на лагерь союзниковъ, надрывали тревогу и были вергвчены выстрѣлами, понесли на нѣши войска, которыя также открыли огонь... Много лошадей погибло даромъ! Не такъ трагически, но за то въ большихъ размѣрахъ подобное же произошло въ польскую кампанію 1830 года, въ ночь на 16-е февраля: въ авангардѣ генерала Сакена, *въ* лошади Ольвиопольскаго гусарскаго полка, отъ неясной причины, сорвались съ коновязей и разбѣжались. Непомогаемыхъ усилий стоило переловить ихъ; но все-таки потомъ не досчитались около двадцати лошадей. (***)

Гораздо лучше въ этомъ, да и во всякъ другихъ отноше-

(*) Некоторые утверждаютъ, впрочемъ, что нижегородцы послѣ дѣла подъ Ваши-Каджъ-Керомъ послали за собой мундштуками. Намъ достоверно известно, что мундштуки действительно были вытребованы, но для предстоящаго смотра.

(**) „Военный Сборникъ“ 1858 года, № 2. „Снаряженіе кавалеріи“.

(***) „Исторія польскаго восстанія“, Смитъ, переводъ Иваницкаго. Томъ 1.

ныкъ французскій способъ: небольшой деревянный, окованный желѣзомъ колышекъ, вбиваемый оноею одной изъ переднихъ ногъ, на которую надѣвается кожаная шелья, прикрѣпленная ремнемъ къ колышку. У лошади недостаетъ въ шелья столько силы, чтобы выдержать колышекъ, а если это и удастся одной-двумъ, то остальныя всѣ-таки останутся на шелья, тогда нагъ, при нашемъ способѣ коновязей, лошади, прилагая общее усилие, конечно, больше могутъ сдѣлать: шелъ, во всякомъ случаѣ, слабѣе передней ноги. Французскій способъ хороша: еще и тѣмъ, что принадлежности коновязей не такъ громоздки, что гдѣ есть хоть одинъ садникъ, тамъ есть и коновязь.

Вопросъ о снаряженіи заключить нѣсколькими словами можно. Въ кавалеріи главная вещь — ноги; къ ней можно преимуществу можетъ быть отнесенъ извѣстный афоризмъ Наполеона I: „побѣды одерживаются ногами“. Ясно, какое важное значеніе имѣеть ковка. Подкова — это обувь: она прежде всего должна быть *спору*, она должна приравняться и къ качеству дорогъ и къ времени года; отсюда цѣлый рядъ подковъ самыхъ разнообразныхъ формъ, отъ тонкой и сплошной, покрывающей всю подошву, до массивнаго ободка съ шипами и безъ шиповъ. Нельзя сказать, чтобы наша русская подкова была лучше прочихъ: она лучше другихъ *для насъ* и въ Россіи. Заставьте нашихъ лошадей карабкаться по горамъ, такъ увидите, что придется воспользоваться опытомъ туземцевъ и ковать своихъ лошадей мѣстными подковами. Точно также заставьте пройти съ лошадью по гололедицѣ на сплошныхъ и гладкихъ подковахъ: увидите, что нѣтъ лучше нашей подковы съ шипами. Умѣть подковать коня на холодную подкову вовсе не трудная вещь, и тѣмъ болѣе въ нашей кавалеріи, гдѣ лошади куются на однѣхъ переднія ноги. Сдѣлать подкову не всякій можетъ, но рассчитать копыто, снять мѣрку съ копыта и подковать на холодную подкову долженъ умѣть всякій порядочный кавалеристъ.

Въ рядахъ нашей кавалеріи очень много умѣющихъ ковать. Этого однако недостаточно. Кавалеристъ нерѣдко можетъ быть поставленъ въ такое положеніе, гдѣ онъ долженъ будетъ обходиться безъ няньки; а потому надобно, чтобы всѣ умѣли ковать, чтобы у каждаго или, по меньшей мѣрѣ, въ каждомъ отдѣленіи были необходимыя принадлежности. Самый процессъковки долженъ быть измѣненъ. Извѣстно, что при нашемъ нынѣшнемъ способѣ лошадь нельзя подковать безъ помощи това-

рица—это уже неудобство. Виноваты здѣсь рутина и прива-
занность къ завѣщаннымъ отъ предковъ инструментамъ. Дѣй-
ствительно, съ нашей русской расчисткой иначе и нельзя ко-
вать, какъ вдвоемъ. Защитники нашей расчистки говорятъ, что
ею легче расчищать, потому что действуешь не рукою только,
но и всею корпусомъ (расчистка рукояткой упирается въ
животъ). Кто видѣлъ этотъ процессъ, тотъ, вѣрно, не разъ вну-
тренно сознавался, что не желалъ бы быть на мѣстѣ помощ-
ника, рукамъ котораго, а иногда и носу, угрожаетъ порядочная
опасность. Дѣло въ томъ, что не всегда можно рассчитать сте-
пень необходимаго усилія сообразно сопротивленію рога: по-
наимену сильнѣе—расчистка сорвется и прихватитъ иногда и
ногу лошади и руку помощника. Вездѣ за границую и здѣсь,
въ Петербургѣ, употребляется расчистка-ножь съ загнутымъ
въ бокъ концомъ, въ видѣ скребка. Выгоды ея тѣ, что ею можно
дѣйствовать вполне безопасно; при ней нѣтъ необходимости
въ помощникѣ; наконецъ, она занимаетъ вдесятеро меньше
мѣста, чѣмъ наша уродливая расчистка.

МИХАИЛЪ ТЕРЕНТЬЕВЪ.